

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ (история и современность)

Ф.Н. Даулет

В данной статье речь идёт о гендерных традициях китайской культуры и об их актуализации в лексическом фонде китайского языка. Целью работы является презентация национально-культурных особенностей гендерной культуры китайцев и их способы воплощения в лексических единицах: слове, устойчивых словосочетаниях, эвфемизмах, а так же – пословицах и поговорках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая картина мира, гендерные стереотипы, китайский язык, лингвокультурология, гендерная культура Китая

ДАУЛЕТ Фатимабиби Ногайкызы – кандидат филологических наук, и.о. профессора кафедры китаеведения КазНУ имени Аль-Фараби (Республика Казахстан), докторант кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. fatima-dauletova@mail.ru

Цитирование: Даулет Ф.Н. Гендерные стереотипы китайской культуры и их отражение в языке (история и современность) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 193–209. Режим доступа: www.tverlingua.ru

GENDER STEREOTYPES OF CHINESE CULTURE AND THEIR REFLECTION IN THE LANGUAGE (history and modernity)

Fatimabibi N. Daulet

The article deals with the gender traditions of Chinese culture and their mainstreaming in the lexical fund of the Chinese language. The aim of the work is the presentation of the national-cultural characteristics of the gender culture of the Chinese and the ways of their implementation in lexical units: the word, stable phrases and euphemisms and the proverbs and sayings.

KEYWORDS: linguistic worldview, gender stereotypes, Chinese language, linguoculturology, gender culture of China

DAULET Fatimabibi N. – PhD in Philology, professor of the Department of Sinology of Faculty of oriental studies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctoral Candidate at the department of Chinese philology of Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University. fatima-dauletova@mail.ru

Citation: Daulet F.N. Gender stereotypes of Chinese culture and their reflection in the language (history and modernity) // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 193–209. Access mode: www.tverlingua.ru

Одним из актуальных направлений современной лингвистики, позволяющим изучать особенности национально-культурных особенностей менталитета отдельных этносов является изучение так называемых гендерных стереотипов в лингвокультурном аспекте. В связи с повышенным интересом учёных к антропологическим проблемам, гендерный дискурс начинает занимать одно из центральных мест как в понимании сущности человека, так и в определении путей развития культуры и цивилизации. Многие исследователи отмечают, что гендерная лексика является одним из ключевых компонентов мировоззрения человека и является одним из самых древних и универсальных. Поэтому изучение данной проблемы способствует более полному изучению духовной, культурной и социальной сущности человека. Представления о гендере являются универсальными для человеческой цивилизации, в то же время характеризуется национально-специфическими особенностями для тех или иных этнокультур.

В данное время, пол/гендер трактуется не как биологический фактор, а как многокомпонентный социокультурный феномен, что обусловлено всеобщей тенденцией к антропоцентризму и интеграции различных отраслей гуманитарного знания (Войченко, 2009: 64). Следует отметить, что в современной лингвистике термин *гендер* используется для подчёркивания социальных составляющих концепта *пол*, которые «фиксируются в культурных

традициях и стереотипах, оказывают непосредственное влияние на самоидентификацию и поведение личности в различных сферах деятельности» (Войченко, указан. источн.). По А.В. Кирилиной базисные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на: 1) культурных символах; 2) нормативных утверждениях, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; 3) социальных институтах и организациях; 4) самоидентификации личности (Кирилина, 1999: 10).

Весьма интересен подход И.И. Халеевой к данной проблематике, которая утверждает: «Подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами, позволяет определить гендер в качестве своего рода междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» (Халеева, 1999: 7-14).

В данной работе речь идёт о гендерных традициях китайской культуры и об их актуализации в лексическом фонде китайского языка. Целью работы является презентация национально-культурных особенностей гендерной культуры китайцев и способы их воплощения в лексических единицах: слове, устойчивых словосочетаниях, табуированных словах и эвфемизмах, а так же – паремии.

Китайская письменность отличается от письменности других народов тем, что в ней запечатлена вся история развития китайской цивилизации, духовная и материальная культура. К примеру, чтобы понять социальный статус женщины древнего Китая, стоит лишь посмотреть на иероглиф с этим значением. Иероглиф 女 [nǚ] – «женщина», в древних надписях на костях изображал фигуру женщины, сидящей в позе, символизирующей покорность,

с подогнутыми под себя ногами, со сложенными впереди руками: . В Древнем Китае это была традиционная поза женщины, символизирующая вежливость и покорность мужчине.

В цзягувэнь (甲骨文- письма на черепаших панцирях и костях, ок. XIV—XI вв. до н. э.) мужчина изображался так: , верхняя часть иероглифа означала поле, нижняя часть – сила, поскольку в древнем обществе мужчина традиционно занимался земледелием, а женщина – домашним хозяйством. Такой гендерный уклад нашёл воплощение во фразеологизме 男耕女织 [nán gēng nǚ zhī] - *мужчины пахут, а женщины ткут*.

Участь женщины в древнекитайском обществе была весьма незавидной. К слову, в китайском языке есть специфическое слово – 溺嬰 [nì yīng] - «утопить ребёнка». В составе второго иероглифа 嬰[yīng]мы видим иероглиф 女, следовательно, в древности таким образом убивали младенцев исключительно женского пола.

Всё дело в том, что культ предков, ставший сердцевиной религиозной жизни древних китайцев, обязывал к сыновней почтительности – сяо (孝), которая предполагала слепое подчинение родителям при жизни, после смерти – похороны со всеми почестями и последующее приношение жертв их духам *цзибай цзусянь* (祭拜祖先), в рамках своеобразных установлений, которые выражались специальным словом – ли (礼). Согласно этой концепции, дочь не имела права приносить жертвы родителям после их смерти. И поэтому, в старом Китае дочь была, в большинстве случаев, нежеланным ребёнком. В старом обществе были очень распространёнными случаи, когда бедный крестьянин, заботясь о том, чтобы было кому его

хоронить со всеми почестями и приносить жертвы после его смерти, убивал младенцев женского пола вплоть до появления на свет мальчика.

В древнем Китае иметь дочь было экономически невыгодно. Мало того, что повзрослев, девушка уходит от родителей в чужой дом, в тот самый момент, когда она может разделить хозяйственные дела семьи, так ещё при замужестве родители должны были приготовить приданое *цзяжуан* (嫁妆), что зачастую, по мнению родителей девушки, являлось чистым убытком. Поэтому считалось, что 嫁出去的女, 泼出去的水 [jià chūqù de nǚ, pō chū qù de shuǐ] - «Вышедшая замуж дочка всё равно, что выплеснутая наружу вода». И единственным способом пресечь все эти проблемы на корню – было умерщвление новорождённой девочки. Родители убивали их сами, либо поручали это другому человеку, либо просто выносили во двор и оставляли умирать. Такой негуманный способ разрешения материальных проблем периодически приводил к дисбалансу полового состава среди людей брачного возраста. Например, китайский этнограф Фэй Сяотун отмечает, что в некоторых китайских деревнях прошлого столетия на 140 мужчин брачного возраста приходилось 100 девушек того же возраста (Фэй, 1989: 44).

В Древнем Китае, в бедных крестьянских семьях, если девочка не была утоплена во младенчестве, ей, зачастую, всё равно было не избежать незавидной участи. Новорождённых или малолетних девочек часто покупали бедные семьи, которые не могли себе позволить внести выкуп за невесту для своих сыновей. Девочку с малых лет учили хозяйствовать и, по достижении ею брачного возраста, выдавали замуж за одного из сыновей (Фэй, указ. источн.).

Более подробную информацию о гендерной культуре и гендерных отношениях находим в следующих лексических единицах китайского языка:

- 1) слова: 家里人 [jiā lǐ rén] или 屋里人[wū li rén] – *та, которая дома сидит*; 孩子他娘 [háizi tā niáng] – *мать детей*; 贱内 [jiàn nèi] – *моя*

(презренная жена); 拙荆 [zhuō jīng] – моя (убогая) жена;

2) фразеологизмы: 重男轻女 [zhòng nán qīng nǚ] – уважать мужчин, недооценивать женщин; 男尊女卑 [nán zūn nǚ bēi] – уважать мужчину, презирать женщину; 红颜命薄 [hóng yán mìng báo] – у красивой женщины судьба тяжёлая;

3) пословицы и поговорки: 女子无才便是德 [nǚ zǐ wú cái biàn shì dé] – самая добродетельная женщина – это бесталанная женщина; 女人头发长见识短 [nǚ rén tóu fǎ cháng jiànshì duǎn] – у женщины волосы длинные, а ум короток; 好女不嫁二夫 [hǎo nǚ bù jià èr fū] – хорошая женщина дважды замуж не выходит; 打老婆, 骂老婆, 手内无钱卖老婆 [dǎ lǎo pó, mà lǎo pó, shǒu nèi wú qián mài lǎo pó] – можно бить жену, можно её ругать, а если денег не останется, её можно продать; 菜刀不磨成死铁, 女人不打成妖孽 [cài dāo bù mó chéng sǐ tiě, nǚ rén bù dǎ chéng yāo niè] – если не точить нож, то он отупеет, если не бить жену, то она может превратиться в оборотня; 美色从来是祸胎 [měi sè cónglái shì huò tāi] – красивая женщина – это всегда источник зла; 十个女子九个妒 [shí gè nǚ zǐ jiǔ gè dù] – женщина – очень завистливое существо и мн. др.

Замечательный китайский писатель Лао Шэ (老舍), который сам вышел из бедной семьи, в своих произведениях очень реалистично передавал тяжёлую долю простой китайки из низов. Его главная героиня в повести «Серп Луны» (月牙) которая, волею сложившихся обстоятельств, становится проституткой, говорит: «Имея дело со многими мужчинами, я совсем забыла,

что такое любовь. Я не могла любить даже саму себя, не то, что другого человека. Рассчитывая выйти замуж, я вынуждена была притворяться, что люблю, уверять, что хочу быть с ним навеки. Я говорила это многим, и даже клялась, но никто не взял меня в жёны. Распутница для них хуже воровки: ведь воровство приносит деньги» (Лао, 2004: 78).

Одна из героинь социального романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» (猫城记) знакомя главного героя с наложницами своего мужа, говорит: «Вот эту чертовку мой муж взял, когда ей было всего десять лет. Тельце ещё не окрепло, а муж лакомился им. Помню, в первый месяц, едва стемнеет, эта чертовка начинает плакать, зовёт папу, маму, хватает за руки меня, умоляет, чтобы я не уходила. Но я, добродетельная жена, не могла ссориться с мужем из-за какой-то десятилетней паршивки. Но я... Разве я похожа на неё, разве я способна помешать своему господину наслаждаться?» (Лао, 2014: 250).

Самыми трагичными страницами китайской традиционной гендерной культуры, пожалуй, можно считать обычай *госяоцзяо* (裹小脚) бинтования ног женщинам, и институт евнухов - *тайцзянь* (太监).

В древнем Китае 小脚 -«сяоцзяо» – маленькая ступня, вредно отражавшаяся на здоровье женщин, высоко ценилась любителями женской красоты. Красота и сексуальная привлекательность китаянки часто определялись маленькими изуродованными ножками, воспетыми поэтами-мужчинами, как 三寸金莲 [sān cùn jīn lián] - «сан цунь цзин лян» – *золотой лотос в три цуня*.

Считается, что традиция бинтования ног зародилась ещё в VII веке, когда один император-эротоман воспел в стихах маленькие ножки своей любимой наложницы, ступающей по цветам лотоса, специально для этой цели сделанным из листового золота: «Вот так, за шагом – шаг, рождается

лотос под нею!» Таким образом, женщины высшего света, чтобы удовлетворить извращённые сексуальные вкусы мужчин, несмотря на боль и страдания, делали всё, чтобы иметь «*ножки в три цуня*».

Знаменитый русский синолог В.М. Алексеев, в своей книге «В старом Китае», пишет: «ноги стали центром женской привлекательности, создающими женственность даже антиженственным фигурам, даже глубоким старухам. Это ценится! Бинтуют ноги работницы, крестьянки, весь день ковыляющие по мокрой земле, даже нищенки – и те бинтуют. И, несмотря на запреты, на бесчисленные филиппики против бинтования, всюду с ужасом видишь мучения четырёх-пятiletних девочек, искалеченных, лишённых детства» (Алексеев, 1958: 200).

Бинтование ног начинали с четырёх-пяти лет, но не позже семи-восьми. При этом, четыре меньших пальца подгибали к подошве, а затем, вместе с передней частью ступни притягивали к пятке, забинтовывая широкой лентой из бумажной или шёлковой ткани. Между подошвой и пальцами насыпали специальный порошок, который, буквально образом, вытягивал воду, и от этого мышцы этой части ноги становились сухими. С каждым днём бинты накладывались всё туже и туже. Такое бинтование, с присыпкой порошком, проводилось ежедневно, полгода или год, пока деформированная ступня не принимала желаемый размер, и вид вытянутого треугольника. Размер искалеченной ступни иногда достигал 3 цуня (1 цунь – 3,3 см), что было предметом гордости женщин, и вызывало восхищение мужчин-эротоманов. О том, каких страданий стоила иметь ступню в 3 цуня говорится в пословице 小脚一双, 眼泪一缸 [xiǎo jiǎo yī shuāng, yǎn lèi yī gāng] - «пара маленьких ножек – целый чан слёз».

Другой, не менее трагической стороной древнекитайской гендерной культуры, является институт евнухов (太监). О евнухах упоминается в 1100 г. до нашей эры, когда правитель Чу Гун, в изданном им указе, включил кастрацию в число шести тяжких наказаний вместе с клеймением лба,

отрезанием носа, отрезанием ушей, отрубанием рук, ног и обезглавливанием.

Оскопление, как наказание, применялось в Китае вплоть до XIX в. Так, во время восстания магометан в 1851 г., взрослых мятежников казнили, а их детей до 10 лет оскопляли и рассылали по разным провинциям.

Китайские императоры, кроме главной жены 皇后 [huánghòu]— императрицы, имели ещё двух второстепенных жён. Кроме них, имели большое количество наложниц, которые, в свою очередь, делились на несколько рангов. У Цинских (清朝) императоров они, как правило, классифицировались таким образом: 皇贵妃 [huáng guì fēi]—«хуангуйфэй» - наложница первого ранга, 贵妃 [guì fēi] - «гуйфэй» – второго ранга, 妃 [fēi]— «фэй» – третьего ранга, 嫔 [bīn] - «бинь» – четвёртого ранга, 贵人 [guì rén] - «гуйжень» – пятого ранга. Кроме этого, во дворце содержались наложницы более низкого ранга, такие как: 常在 [cháng zài], 答应 [dā yìng], 秀女 [xiù nǚ] и пр.

В отличие от представителей западной культуры, даже в современном Китае в обществе не принято показывать свои чувства напоказ. Обниматься и целоваться при людях считается неприличным поведением.

Сдержанность китайцев в проявлении чувств восходит к древним конфуцианским нормам поведения. В древнем Китае всё, что было связано со сферой чувств, с эмоциональным началом, личными переживаниями, склонностями и интересами, оттеснялось на задний план перед категорией долга. Именно долг в течение столетий во многом определял национальный характер и правила поведения китайцев. Воспитанным человеком считался только тот, кто соединил в себе гуманность и чувство долга. Долг перед обществом требовал повиноваться принятым нормам и не выходить за рамки этикета. Долг перед семьёй заставлял человека обуздывать свои страсти и желания. Возможно, именно поэтому узы, связывающие в древнем Китае

супругов, отличались большою крепостью. Несмотря на то, что молодые люди не знали друг друга до того момента, пока невесту не принесут в красном паланкине в дом её мужа, между супругами, в большинстве случаев, существовали настоящая любовь и привязанность. Об этом свидетельствуют заметки многих иностранных миссионеров, которые долгое время жили в Китае, и могли собственными глазами лицезреть быт простого китайца. Например, английский миссионер Дж. Макгован, описывает случай приезда невесты в дом жениха: «Более холодную встречу трудно себе даже представить. Никто не приветствовал её ни словом, но все оглядывали её испытующими взглядами. Даже жених, и тот встретил её неласково. Он не решился даже взять её за руку и, ведя в дом, держал её за рукав, как зачумлённую, смотря в это время в другую сторону. Церемония, требовавшаяся от него по этикету, видимо крайне стесняла его». Он же упоминает случай, когда одна английская барышня спросила китайянку, любит ли она своего мужа. Вопрос этот испугал китайянку, и та, краснея от волнения, ответила: «Разумеется, нет». Лишь потом, в интимной беседе, призналась в этой любви, но то, что было сказано иностранке, она, ни за что на свете, не сказала бы никому из своих, даже родной матери. Упоминаемый нами автор восклицает: «Ступайте на могилу, где несколько дней назад был похоронен её муж, и прислушайтесь к её плачу и причитаниями; вы услышите такое признание в любви, которое сразу откроет вам тайники её души!» (Макгован, 2017: 123).

Вышеописанное вполне оправдывает существование в языке ряда эвфемизмов, появившихся вследствие господствовавших в китайском обществе гендерных стереотипов: Например, *беременность* – 有了 [yǒu le] (появилось); *месячные*: 来了那个了 [lái le nà gè le] – *это пришло*; 来好事了 [lái hǎo shì le] – «*счастье*» привалило; *дядюшка* 大姨妈来了 [dà yí mā lái le] – *тётушка приехала*; 受罪 [shòu zuì] - *терпеть страдания* 倒霉了 [dǎo méi le] - *не везёт!*

[Ян, 2012:23].

Современный китайский язык изобилует целым рядом эвфемизмов, используемых в описании интимной жизни мужчины и женщины: 造人 – создавать человека; 性行为 – сексуальное поведение; 敦伦 – укреплять дружеские отношения; 房事 – интимные дела; 人道 – человеколюбие; 云雨 – тучи и дождь; 发生关系 – вступить в отношения; 睡觉 – спать; 困觉 – дремать; 入巷 – входить в гавань; 劈腿 – разводить ноги; 炒饭 – готовить; 办事 – заниматься делом; 喝茶 – пить чай; 打炮 – стрелять из пушки; 打井 – копать колодец; 钻井 – бурить колодец; 打洞 – рыть яму; 打眼儿 – пробивать отверстие; 开垦处女地 – распахивать девственную землю; 每周大事 – важное дело недели; 开房 – снимать номер в гостинице; 那事儿 – это дело; 玩 – играть; 弄 – делать; 入 – входить; 来一下 – делать разок (Словарь современного китайского языка, 2018; Словарь разговорного китайского языка, 2012; Словарь вульгаризмов китайского языка, 2018).

По мнению Фэй Сяотуна, есть и другие, более древние причины, объясняющие то, что человек не может явно проявить свои чувства, даже по отношению к своим детям. Этот феномен отражается и находит объяснение в поверьях о злодействах демонов. Древние китайцы верили в то, что злые духи охотятся за жизнями любимых ими людей. И, чтобы предотвратить беду, они часто давали своим детям имена с бранным смыслом, например, «собака», «кот», «свинья» и т.п. Таким образом, они демонстрировали духам, что никого не волнует судьба ребёнка, никто его не любит, вследствие чего злобные демоны должны были утратить интерес к ребёнку, как к объекту своих козней. Фэй Сяотун пишет, что предохранительные меры иногда доходят до того, что дети, номинально передаются под опеку чужим людям,

обладающим большим влиянием в деревне, или даже божествам, тем самым скрываются любые внешние проявления родительской любви (Фэй, указ.источн: 210).

Наступление эры технического прогресса, всеобъемлющая глобализация экономики, материальной и духовной культур, не могут не отражаться на жизни и миропонимании современного китайца. Современные китайцы постепенно, шаг за шагом раскрепощаясь, начинают принимать современные правила игры и идут в ногу со временем. Меняются взгляды на любовь и брак. Немногим более двадцати лет назад пары, живущие в гражданском браке считались 非法同居 – «незаконными сожителями», сильно осуждались обществом и подвергались административным наказаниям. Сейчас пары, живущие в гражданском браке – явление повсеместное. Современные китайцы рассматривают его, как первый шаг к официальному браку и хорошую школу для проверки чувств, совместимости, общности привязанностей и привычек партнёров.

Известные китайские повести и романы «Женщина – половина мужчины», «Любовь нельзя забыть», «Красный гаолян», «Нефритовая Гуаньинь» и др., а также многочисленные художественные фильмы на тему любви и брака: «Защищая любовь», «Развод по-китайски», «Десять лет в браке», «Заплачь, если есть слёзы», «Ты боишься меня любить?», «Когда любовь осталась позади», а так же многие другие, достаточно ярко отражают изменения в гендерной культуре современных китайцев.

Когда муж «подкаблучник», о нём говорят, что у него болезнь, которая называется 妻管严 [qī guǎn yán]. Каламбур заключается в том, что китайское название болезни трахеит звучит так же – 气管炎 [qì guǎn yán]. 他得了气管炎 – букв. «он заболел трахеитом» означает, что мужчиной управляет его жена.

Герой одного из многочисленных китайских сериалов с грустью

замечает: «На наших улицах невозможно встретить красивых девушек, они либо уже «арендованы» богатыми спонсорами, либо стали 小姐 [xiǎojiě] – «сяоцзе». Китайское слово «сяоцзе» используется, как форма обращения, аналогичная русскому обращению «девушка» и английскому «мисс». В таких случаях, как правило, перед данным словом ставится фамилия или имя девушки. Например: 王小姐 - Мисс Ван, 张小姐 - Мисс Чжан и др. Но выражение 她做小姐 - означает, что девушка занимается проституцией: в ночных клубах и танцплощадках Китая работают 夜总会小姐 (сяоцзе ночного клуба), 发廊小姐 (сяоцзе массажного салона), 三陪小姐 (сяоцзе, с которой можно пить, кушать и танцевать). Как правило, в обязанности 三陪小姐 входят: 陪饮, 陪吃, 陪跳, 陪聊 - составить компанию мужчине по выпивке, еде и танцу, а иногда и 陪睡 (оказывают интимные услуги), но уже за отдельную плату. Таким образом, слово 小姐 в языковом сознании современных китайцев стал кодировать женщину лёгкого поведения.

В конце 2017 г. китайские СМИ широко освещали новое социальное явление, которое можно было бы перевести как «газировочная проституция». Название «газировочная проституция» происходит от англ. *soft drink prostitution*, на китайский лад это звучит как 车辆放置饮料, букв. «ставить бутылку на автомобиль». Напиток, стоящий на крыше или багажнике припаркованной машины, означает, что её владелец находится в поисках сексуальных услуг. На самом деле, «газировочная проституция» отнюдь не новое явление для китайских вузов. Многие блогеры и онлайн – СМИ уже освещали его в 2016 году, рассказывая о ценах разных напитков. Например, минеральная вода на крыше машины означает, что водитель машины планирует заплатить 200 юаней (30\$), бутылка зеленого чая – 300 (45\$), а

банка Red Bull свидетельствует о готовности выложить 600 юаней (90\$) (<http://www.twoeggz.com/news/7921153.html>).

包二奶 [bāo èr nǎi] - «содержать вторую жену (любовницу)» так же является выражением, проявившим вследствие экономического роста Китая. Как правило, состоятельные китайцы находят себе «младших жен». Данное явление считается 非法同居 - «незаконным сожителем» и осуждается общественной моралью. Как правило, это считается привилегией частью имиджа богатого китайца. Поскольку в Китае полигамия карается законом, на такой шаг, как правило, идут бизнесмены или частные предприниматели – люди, которые не находятся на государственной службе, те, у которых нет риска потерять работу.

Когда женщина бальзаковского возраста находит себе молодого любовника китайцы говорят с сарказмом 找了小白脸 - «нашла себе маленькое белое личико». 小白脸 - «маленькое белое личико» часто используется в значениях жиголо, содержанец.

По мнению В.М. Войченко, представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем стереотипизация и ценностная шкала гендера неодинаковы в разных культурах. Так же различаются социальные роли мужчин и женщин. Они, как правило, регламентированы; такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании. (Войченко, указ. источн.: 66). Гендерные стереотипы – это внутренние установки в отношении места мужчины и женщины в обществе, их функций и социальных задач. Особенность стереотипов такова, что они настолько прочно проникают в подсознание, что их очень трудно не только преодолеть, но и осознать вообще (Надолинская, 2007: 77).

Таким образом, резюмируя вышеприведённые языковые факты, можно утверждать, что изучение гендерных стереотипов и гендерно обусловленной лексики может способствовать пониманию когнитивных процессов, происходящих в различных национальных культурах, особенностей ментального мира носителей языка. Поскольку гендерная лексика - это важный пласт, находящийся в основе концептуализации окружающего мира человеком и является важной ячейкой культуры в ментальном мире человека.

Источники – Primary Sources

Словарь разговорного китайского языка, 2012 – *Hanyu kouyu cidian*. Beijing, 2012.

Словарь современного китайского языка, 2018 – *Xiandai hanyu cidian*. Beijing, 2018.

Словарь вульгаризмов китайского языка, 2018 – *Zuixin Zhongguo liyu*. Beijing, 2018.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, 1958: 200 – *Алексеев В.М.* В старом Китае. – Изд-во ИВЛ, 1958.

Войченко, 2009: 64 – *Войченко В.М.*, Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия языкознания. – 2009, No 1 (9).

Кирилина, 1999: 10 – *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999.

Лао, 2004: 78 – *Лао Шэ.* Серп Луны / Полное собрание сочинений. – Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2004.

Лао, 2014: 250 – *Лао Шэ.* Записки о Кошачьем городе. – М.: ИВЛ, 2014.

Ли, 2003: 123 – *Ли Лянь.* Сексуальная культура Древнего Китая: мужчина и женщина. – Пекин: Чжунго шэхуэй чубаньшэ, 2003.

Макгован, 2017: 123 – *Макгован Дж.* Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни (пер. с англ. В. В. Ламанского). – М.: Ленанд, 2017.

Усов, 2014: 145 – *Усов В.Н.* В гареме Сына Неба. Жены и наложницы Поднебесной. – М.: Алгоритм, 2014.

Фэй, 1989: 44 – *Фэй Сяотун.* Китайская деревня глазами этнографа. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

Халеева, 1999: 7-14 – *Халеева, И.И.* Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – М. : МГУ, 1999.

References

Alekseev, V. (1958) *In Ancient China*, Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury (in Russian).

Voychenko, V. (2009) *The reflection of gender stereotypes in language and culture*, Bulletin of the Volgograd State University, Linguistics series, No 1 (9) (in Russian).

Kirilina, A. (1999) *Gender: linguistic aspects*, Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lao, Sh. (2004) *Crescent Moon / Complete Works*, Beijing: Renmin Wensue Chubanshe (in Chinese).

Lao, Sh. (2014) *Cat Country*, Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury (in Russian).

Li, L. (2003) *Sexual culture of ancient China: man and woman*, Beijing: Zhongguo Hehui Chubanshe (in Chinese).

McGowan, J. (2017) *The Chinese at Home: Essays on Family and Social Life* (translated by V.V. Lamansky), Moscow, Lenand (in Russian).

Usov, V. (2014) *In the harem of the Son of Heaven. Ancient China's wives and concubines*, Moscow, Algorithm (in Russian).

Fei, X. (1989) *Chinese village through the eyes of an ethnographer*, Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury (in Russian).

Khaleeva, I. (1999) *Gender as an intrigue of knowledge // Gender factor in language and communication*, Moscow, Moscow State University (in Russian).